

СЕКРЕТ ПОЛИТИКЕ

ЭКСПЕРИМЕНТА РАДИ

ГОВОРЯТ, человек ко всему привыкает. А дети вообще обладают особенными адаптивными способностями. Они быстро приспосабливаются к бесконечным переменам в системе школьного образования. Родители же, напротив, проклинают бесконечные смены учебных программ и пьют корвалол перед ЕГЭ. Чего в этом жалобном хоре больше – нежелания меняться или реальных проблем? «Довольны ли вы школьным образованием?» – этот вопрос мы задаем сегодня экспертам.

Нина Полунина, филолог, госслужащий:

– Оценить последние нововведения я не могу – мои дети уже получили высшее образование, младшая только что окончила институт. Пока они учились, особенных претензий к программе у меня не было, особенно у старшего ребенка. Если и была недовольна, то отношением учителей к своей работе. Сама я окончила Иркутский государственный университет, факультет филологии, преподавала в школе и в университете, в том числе иностранцам. На ваш вопрос я бы скорее ответила нет, чем да. На мой взгляд, прежняя система образования разрушена, а новая не создана. То сочинение, то ЕГЭ, то опять сочинение. В общем, нет образовательной стратегии. Для меня она звучала так: «Ты знай, что ты знаешь и что ты хочешь передать другим». А теперь учителя мечутся из крайности в крайность: то тренируют эрудицию у детей, то творческие навыки. Может, в других отраслях лучше, например в технической?

Юлия Немчинова, журналист:

– Именно школьным образованием я недовольна. Дочь учится на втором курсе экономического вуза, еще свежи впечатления от ее школьных выпускных экзаменов. В школе главным недостатком был контингент учащихся, я была в ужасе от тех персонажей, с которыми сталкивалась моя дочь. Когда мы перевели ее в лицей №3, всё изменилось. Там дети интеллигентных родителей, и мне такое окружение по душе. Что касается программы, то могу отметить, что в связи с введением ЕГЭ дети разучились устно выражать свои мысли. Письменная речь развита, а ораторские навыки – нет. Эта особенность сохраняется у моего ребенка до сих пор.

Ярослав Тургин, сотрудник правоохранительных органов:

– Сейчас я доволен, мои дети учатся в хорошей гимназии. Это образовательный центр, там свое телевидение, бассейн, кружки, секции. В прошлой школе было несколько серьезных минусов. Во-первых, много детей гастарбайтеров, во-вторых, учителя были практически беззащитны перед учениками, и разбираться по вопросам дисциплины приходилось непосредственно с родителями хулиганов. В той школе, где мы сейчас учимся, дети знают: «Не хочешь себя нормально вести – иди, учи по месту жительства».

Думаю, все родители разделяют мою позицию по учебным программам: их не должно быть так много! Они каждые три года меняются, ребенку сложно адаптироваться к постоянным изменениям. Странным также является подход к изготовлению учебных пособий. Раньше они делались на десятилетия, а теперь это одноразовые книжонки. Неужели мы настолько богата страна, чтобы выбрасывать в топку тонны древесины? Кстати, в нашей школе нет поборов «на учебники», их выдают бесплатно.

Анна Дузенко, домохозяйка:

– Я недовольна стандартами современной школы. Ребенок, даже получив аттестат, не способен, как правило, самостоятельно мыслить. Решение тестов, которые сейчас являются основным критерием оценки знаний, – это выбор пункта, никакого умозаключения не требуется. Я помню уроки химии в нашей школе, на них мы записывали свои наблюдения, и именно они врезались в память. А то, что мы автоматически зазубривали, улетучилось из головы. Поэтому для своих троих детей я избрала альтернативное образование, они ходят в Вальдорфскую школу. Весь материал ребятами пропуская через себя. Например, исторические события они проигрывают по ролям. Пускай в обычной школе материал дается гораздо шире, но то, что дети поняли и прочувствовали, они запомнят лучше. Еще одним явным минусом современного образования является специализация. Ребенок с пятого класса по воле родителей занимается в математическом классе, а в старших классах понимает, что его призвание лежит в другой плоскости. Получается, мы лишаем своих детей выбора.

Людмила Жеглова, учитель математики:

– Если говорить о моей непосредственной специальности, то в математике сейчас большое несоответствие материалов, изложенных в учебниках, с содержанием итоговых тестов. Задания в учебниках достаточно хорошо готовят к сдаче ЕГЭ и ГИА (государственная итоговая аттестация). Если посмотреть результаты сдачи ГИА за 9 класс в 2013 году, более 50% не смогли преодолеть это испытание с первого раза. Хотя в основном классическая методика преподавания математики не изменилась.

Положительным моментом современного образования можно назвать множество интересных интернет-ресурсов и возможность общения с учениками по электронной почте.

Что касается квалифицированных кадров, их, к сожалению, сильно не хватает. Я, например, перестроилась, освоила компьютер. Но многие этого не сделали, а достойная замена не спешит в стены школ.

В целом, если судить по тому, как учится моя внучка, сейчас у детей страшный перегруз. Всему на свете научить нельзя, нужно определять приоритеты, ребенок сам выберет область для углубленного изучения.

Александр Сопин, заслуженный работник образования, в настоящее время директор автоцентра:

– Однозначно ответить, доволен или недоволен, невозможно. Я убежден, что образование нужно структурно и системно менять. Самое страшное, что сегодняшнее образование не занимается собственно образованием и детьми. Руководство учреждений интересуют проценты, показатели. Учителя большую часть продуктивного времени заняты написанием различных тематических планов, отчетов и так далее.

Есть такая сакраментальная фраза: «Кадры решают всё». Чтобы вырастить новое поколение профессионалов, необходимо 10–15 лет. Один эксперт недавно озвучил простые предложения для решения основных проблем образования. Среди главных инициатив – предоставить школьникам возможность учиться в одну смену, а во вторую организовать для них массу секций и кружков на базе школы. Полная занятость детей не только способствует развитию личности, но и сократит преступность. Сейчас же с учебными программами проводится эксперимент ради эксперимента, а ребенок вытолкнут из этого пространства.

Я каждый день думаю о школе, звоню коллегам, у меня за них сердце болит. Но вернуться туда пока не вижу никакой возможности, почему – я уже объяснил.

За язык тянула Вероника Сафронова

Человек, открытый миру

Начало на стр. 1

– В понимании обычного человека социология – это итоги опросов, странные цифры и графики. А как профессионалы трактуют, что такое социология?

– Социология изучает глубинные общественные процессы, выявляет причины тех или иных явлений. Если человек участвует в полевых работах (ходит с опросником по квартирам) и думает, что он – социолог, то это не так. Сейчас в регионах сформирована достаточно разветвленная исследовательская инфраструктура Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), Левада-центра. Чтобы там работать, необязательно иметь высшее социологическое образование. Настоящего социолога отличает системное масштабное мышление. Обязательным атрибутом социологического продукта выступает применимость знания в принятии и реализации управленческих решений. Я работаю по специальности более 25 лет. Моя кандидатская диссертация была по политической социологии, а докторская – по социологии социальных структур, социальных институтов и процессов. И мой интерес к теме всегда подогревался включенностью в события своего времени.

Не наблюдатели, а творцы

– Ваша первая научная работа была написана в переломное время в начале 1990-х годов, это оказало влияние на ее содержание?

– Одним из выводов моей работы было утверждение о том, что «в обществе неизбежен взрыв интересов» (социальный взрыв). Кандидатскую диссертацию на тему «Культура политического консенсуса» я защитила 13 сентября 1993 года, а в начале октября был расстрел Белого дома... Сбор материала для кандидатской я осуществляла с 1990 по 1993 год. Приходилось не только слушать все трансляции с заседаний Верховного Совета, но и много беседовать с людьми, в том числе и во время митингов, брать интервью у солдат на танках. Как-то, занимаясь в библиотеке в Москве, я встретила там Руслана Хасбулатова, в то время такие встречи не были чем-то удивительным. Я говорю это к тому, что социолог не может быть выключенным из социальной реальности. Это человек, открытый миру, создающий свой уникальный творческий продукт при погружении в исследуемый материал. И итог работы социолога всегда отражает определенную позицию автора, несет отпечаток его личности.

Моя кандидатская до сих пор актуальна, несмотря на то, что она была написана мною в молодые годы.

– Вопрос о доверии к власти в период вашей жизни уже стоял на повестке?

– Когда я проходила обучение в аспирантуре в начале 1990-х, доверие к власти уже было окончательно подорвано. Но первые тревожные нотки чувствовались еще в 1983 году, когда меня зачислили в университет. В начале учебного года нас отправили в деревню Приданниково, под проливным дождем мы помогли колхозникам убирать картофель. Там мы встретились с Борисом Ельциным, который возглавлял в те годы Свердловскую область. Он ездил по колхозам, интересовался, какие где проблемы возникают. Мы тогда обратились к нему с просьбой обеспечить нас дождевиками и резиновыми сапогами, и всё это было вскоре получено. Для нас, молодежи, он был человеком слова. Но репутацию нужно поддерживать

постоянно... Переосмысление переломных моментов в истории страны, в том числе через призму включенности в повседневные практики, – это особенность формирования и развития профессионального мышления социолога.

– Говорят, в советское время социологи нередко выступали в роли глашатаев официальной пропаганды. Вы состояли в партии?

– Да, я была в партии и даже возглавляла партийную ячейку в вузе в Комсомольске-на-Амуре. Сейчас у меня нет партийной принадлежности и то, что я сохраняю нейтралитет, очень помогает в работе. Безусловно, в советское время в университете была система своего рода фильтров и необходима была лояльность системе. Но отрешиться от прошлого, говорить, что это было неправильно, я не могу. Годы обучения в вузе дали мне очень много. Наша специальность называлась «Научный коммунизм», и нас учили не только исследовать, но и управлять общественным мнением. Что касается аспирантуры, здесь было больше открытости и самостоятельности выбора. Она научила мыслить и создавать, развила креативное начало.

– А нужно ли управлять общественным мнением?

– Институт общественного мнения, безусловно, следует управлять. Вы знаете, это залог устойчивости общества и основа национальной безопасности страны. Управление идет через формирование мировоззрения и понимания того, где ты живешь, в чем твоё призвание. Сейчас очень высокий рейтинг у президента Владимира Путина – это сильно государство, и оно в состоянии нас поддержать и защитить. Известный факт: если мнение не формируется внутри государства, его будут формировать извне, этому посвящено множество работ, причем не только современных. Например, о культуре согласия и несогласия говорили еще во времена Аристотеля и Платона.

Проводники судьбы

– Меня очень впечатлило ваше доведение до того, что вы защитили докторскую. Мне жутко любопытно, что должно быть в голове у семнадцатилетней девушки, чтобы она пошла учиться на философа?

– Я, наверное, в юности не совсем точно представляла конечную цель своей профессиональной реализации, но то, что моя работа должна быть связана с обществом, точно знала. Я родом из Усть-Орды, но наша семья жила в Кяхтинском районе Бурятии. Еще в детстве у меня проявились лидерские качества, я была комсоргом школы. Когда встал вопрос, в какой вуз поступать, выбрала юридический факультет ИГУ, куда педагоги в школе предрекали мне физико-математическое будущее.

В Иркутске в приемной комиссии госуниверситета я спросила начистоту: «У меня есть шансы поступить?» Мне ответили, что в основном на юрфак поступают парни после армии, рабфака, а у хрупких девушек в очках шансов нет. И порекомендовали попытаться поступить на исторический факультет, учитывая, что там открыли новую специальность «История партии». Там у меня запросили направление от обкома партии. В Бурятии в обкоме мне сказали, что нужна рекомендация от первичной организации. Связывалась с директором школы, они – с райкомом партии, в общем, все мне помогли, сработали очень оперативно. Родные привезли мне направление в Улан-Удэ.

Затем я пошла на собеседование в отдел агитации и пропаганды при обко-

ме КПСС Бурятии. Многие ребята пришли с родителями, а я была одна, еще и ангиной заболела, но ответила на все вопросы. Комиссия посоветовалась, и мне сказали: «Девочка, ты так много говоришь, тебе нужно поступать на философский факультет, выбирай, где бы ты хотела учиться: МГУ, Ленинградский университет, Уральский?» Я прислушалась к их мнению и выбрала Уральский госуниверситет. Вернулась в Иркутск, экзамены сдавала здесь, в ИГУ, с историками партии, а потом одна со всеми документами поехала в Свердловск на учебу.

– Татьяна Ивановна, вы мне какой-то абитуриентский триллер рассказываете: там отказали, там отравили. Что помогло не отчаиваться?

– Часто родители решают за детей, а, на мой взгляд, дети должны пройти свой путь. Всё, наверное, могло сложиться иначе, но меня всегда кто-то направлял, я же всегда прислушиваюсь к людям. Вся наша жизнь – это история того, как одни люди помогают другим. Из этого складывается судьба. Нас с детства учили брать ответственность за кого-то, к примеру, отстающих в школе подтягивать...

У каждого человека должен быть свой путь, для меня таковым являются мои родители. Я была вторым ребенком в семье, всего нас шестеро. Первоначально интерес к знаниям, учебе формировался на уровне семьи. Кстати, моя младшая сестра, которая с детства интересовалась биологией, сейчас уже доктор биологических наук. Поддержка близких – очень важный ресурс, такую же среду я создаю в своей семье, и хотя моему сыну Даниилу всего 10 лет, он уже интересуется разными науками, пытается выбрать свой жизненный путь.

Наверное, это странно звучит, но я всегда верила, что меня направляют по верному пути. Конечно, у меня была комсомольская закалка, которая учит отвечать за других. Еще влияние на формирование моего характера оказал спорт: чем только не занималась, даже лыжами. В спорте развивается честолюбие, проявляется стремление к победе. К слову, мне импонирует возвращение сдачи норм ГТО. Я, например, благодаря тому, что еще в школе сдала нормы ГТО, в университете участвовала в соревнованиях по стрельбе...

Вообще в советское время существовала четкая система подготовки кадров, и она имела свои преимущества. Мы как организаторы вышли из той системы.

В настоящий момент, на мой взгляд, принципиально важно быть профессионально-мобильным специалистом в широком смысле. Я исхожу не только из особенностей развития высшей школы сегодня (так называемой академической мобильности), но и из своего личного опыта. После учебы в Свердловске я уехала работать на Дальний Восток, потом была Москва, затем снова Дальний Восток. В 1995 году я была проездом в Иркутске и в итоге здесь осталась, чтобы быть поближе к дому. Почти семь лет проработала в Восточно-Сибирском институте МВД России, параллельно с преподавательской деятельностью писала докторскую диссертацию, проводила научные исследования по закрытым социальным пространствам. В сентябре 2002 года пришла в ИГУ в статусе профессора.

Углубление неоднородности

– Вы верите результатам опросов, опубликованных в газете?

– Я вначале обращаю внимание на то, кто проводил опрос. Если всё гра-

мотно, прозрачно сделано, выполнены контрольные процедуры, то доверяю. Если сведения изложены противоречиво, поверхностно, то такая публикация доверия не вызывает.

– Работали ли вы на выборах?

– Наша лаборатория не работала на выборах, хотя предложения такие поступали. Много зависит от заказчика, целей и задач опроса. Был случай, когда мы отказались «делать социологию», а позже узнали, что подобный опрос был проведен другими людьми с рядом нарушений. Потом со студентами мы этот эпизод рассматривали как образец того, как нельзя делать.

– На кафедре и на базе лабораторий вы постоянно проводите со студентами исследования, были ли результаты, которые вас потрясли?

– К настоящему моменту под моим руководством защитились более 160 дипломников, 11 кандидатов социологических наук. Я сама училась по принципу «обучение через исследование» и реализую его со студентами и аспирантами.

Наши темы – это приоритеты высшей школы, социальной и экономической сфер, регионального развития. Мы изучаем взаимоотношения вузов с работодателем, проблемы интеграции образования, науки и производства, развитие гражданского общества в регионе, инновации. Я помогаю ребятам в выборе тем, вместе мы разрабатываем оригинальный социологический инструментарий. Новые результаты исследований всегда вызывают интерес и научное признание.

Однако мы в лаборатории не замыкаемся в рамках «высоких тем», ребята интересны все общественные процессы, мы много берем «молодежных» тем. Меня сложно чем-то удивить, хотя бывают и такие моменты. Например, одна выпускница избрала для исследования тему абортотерапии студенческой молодежи. В 2010 году она опрашивала врачей, которые делают операции. Мы не думали, что у этого явления такой масштаб. Другой студент писал работу по деструктивным сектам. В ходе исследования он пришел к выводу, что молодые люди, вовлеченные в секту, имеют крайне мало шансов ее покинуть.

Иногда такие данные для самого общества становятся шоком, но, с другой стороны, есть шанс, что обозначенные проблемы начнут решаться.

– Социологи любят строить модели, создавать концепции вроде «поколения Y». Как вы представляете современное общество?

– Тема социального неравенства – одна из актуальнейших тем для российского общества и для мира в целом. В настоящее время произошло углубление неоднородности и в материальной, и в культурной плоскости. Что касается молодежи, то меры государственной поддержки в России направлены на талантливых, одаренную молодежь, с одной стороны, и на ребят, находящихся в трудной жизненной ситуации, – с другой. У нас как исследователей вызывает интерес проблемы и ожидания «средней» части молодежи, которая не попадает ни к тем, ни к другим. Когда я вспоминаю свой жизненный путь, то нас в молодости называли строителями новой жизни, мы были в авангарде. В 1990-е годы молодежь стала уязвимым звеном, государство о ней позабыло. Сейчас политика меняется по отношению к молодым людям, но этого недостаточно. Сама молодежь должна быть активно включенной в те процессы, которые идут в обществе, должна уметь сделать правильный выбор и быть социально ответственной. А главная задача государства – помочь молодым людям найти свой путь.

Беседовала Екатерина Григорова